

Натали Бурма

Рыжая Бестия.

Медиум

Книга 1

Натали Бурма

Рыжая Бестия. Медиум. Книга 1

«Автор»

2026

Бурма Н.

Рыжая Бестия. Медиум. Книга 1 / Н. Бурма — «Автор», 2026

1860-е годы, викторианская Англия. Рыжеволосая Агнесса с детства видит призраков, и все считают её проклятой «бестией». Лишь после встречи с духом погибшей матери она узнаёт правду: она из рода Проводниц, хранительниц равновесия между мирами. Пять лет спустя, спасаясь от преследований, она находит пристанище в Йорке. С помощью призрака учёного, сурового таксидермиста и прагматичного журналиста Агнесса учится контролировать свой опасный дар. Она начинает помогать не только потерянным душам обрести покой, но и живым — найти утраченное и исцелить старые раны. Её скромное «Бюро психических розысканий» становится маяком надежды. Но её успехи привлекают внимание могущественной организации «Истинный Порядок», желающей подчинить потусторонние силы. Чтобы защитить свой дар, своих друзей и саму ткань мироздания, Агнессе предстоит сделать выбор: бежать или превратить своё убежище в неприступную крепость. Она — последняя из Проводниц. И она готова за это сражаться.

© Бурма Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Вещий огонь	5
Глава 1: Паровой гул и старые тени	8
Глава 2: Библиотека поместья и дух естествоиспытателя	11
Глава 3: Инцидент в туннеле и первая победа	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Натали Бурма

Рыжая Бестия. Медиум. Книга 1

Пролог: Вещий огонь

Деревня Ольстер-Кросс, графство Йоркшир. Канун Самайна, 1860 год

Туман в эту ночь стелился не просто густой, а словно сознательный – живой, холодный и вязкий, как холстина, вымоченная в ледяной воде. Он забивался под крыши сараев, цеплялся за сухие стебли крапивы у плетней и глушил все звуки, кроме далекого, угрюмого уха-нья филина из Мрачного леса. В доме Томаса Грея было тихо, но тишина эта была колючей, натянутой, как струна.

Десятилетняя Агнесса притаилась на холодной кухне, прижавшись лбом к стеклу, за которым клубилась белесая муть. Из-за тонкой перегородки доносился сдавленный, недовольный голос мачехи, Элоизы.

«...и глазенки эти, Томас, прямо не по-детски упорные. Все видит, всё замечает. И волосы... Господи, эти волосы! Как будто сама преисподняя выкрасила их в медный цвет. Деревня шепчется. Смеются. А теперь и в школу ее не пускают – боятся, что другим детям нагонит порчу. Она – бестия, Томас. Рыжая бестия под нашей крышей».

Ответ отца, если он и был, то глухой, усталый. Просто шарканье стула. Он всегда усталый. Весь в запахе угля и масла, с железной дороги. Он не защищал. Он просто молчал, и от этого молчания в груди у Агнессы выростала ледяная, тяжелая глыба.

Она знала, что Элоиза права насчет одного – она видела. Видела то, чего не видят другие. Вчера у колодца она разглядела в сумерках прозрачную фигурку девочки в старомодном платьице, которая безнадежно тянулась к ведру, но рука ее проходила сквозь дерево. Агнесса не кричала. Она только замерла, и девочка-призрак обернулась, посмотрела на нее пустыми глазницами – и растаяла. Такое случалось часто. В тени амбара, в отблесках заката на болотце. Картинки, наложенные на реальность, тихие и печальные. Она думала, что сходит с ума. Думала, что это и есть та самая «бестийность».

Туман за окном вдруг колыхнулся, словно от вздоха. И ее потянуло. Тянуло прочь из этого дома колючей тишины, прочь от шепота, который был громче крика. Она накинула старый, слишком большой для нее плащ отца и, крадучись, как мышь, выскользнула в ночь.

Воздух обжег легкие холодом и сыростью. Она шла, не разбирая дороги, туда, где кончались огни деревни и начиналась черная темень полей. Ее ноги сами вынесли ее к старому железнодорожному мосту – тому самому, на котором два года назад погибло трое рабочих при обвале. Месту, которого все боялись даже днем. Под мостом журчал ручей, и туман здесь был особенно плотным.

Агнесса остановилась, дрожа. Она ждала, что увидит здесь призраков погибших – изломанных, страшных. Но вместо этого в самом центре моста, над быстрой водой, туман начал

светиться. Сначала слабо, как гнилушка в лесу, потом все ярче. И из этого света стала проступать форма.

Это была женщина. Не страшный скелет, не бледный призрак с лицом смерти. Она была соткана из лунного сияния, тумана и тихого, теплого свечения, похожего на свет из окна далекого, но родного дома. Платье ее было старомодным, простым, волосы убраны в мягкий узел. И глаза... глаза смотрели на Агнессу с бездонной, печальной нежностью.

Девочка не почувствовала страха. Только щемящую, острую боль в сердце и странное, забытое чувство – будто она наконец-то вернулась домой после долгого, холодного пути.

«Агнесса, – голос прозвучал не в ушах, а прямо у нее в голове, тихий и мелодичный, как звон хрустала. – Дитя мое. Моя кровь».

«Кто ты?» – хотела спросить Агнесса, но не смогла выдавить из себя ни звука.

«Я – Морвана. Твоя мать».

Ледышка в груди Агнессы треснула, и из трещины хлынуло что-то горячее и горькое. Она знала это имя. Отец произносил его всего раз или два, пьяным шепотом, и потом неделю ходил мрачнее тучи. На груди у призрака, нет – у духа, слабо мерцала подвеска в виде переплетенных ветвей.

«Я не ушла, доченька. Я не могла уйти, не передав тебе правду. Ты – не бестия. Ты – последняя из нас. Последняя Проводница».

Образ стал четче. Агнесса видела каждую деталь ее лица, похожего на ее собственное, но лишеного веснушек и детской округлости.

«Наш род... мы – хранители равновесия. Мы помогаем тем, кто застрял между мирами, найти свою дорогу. Ты видишь их не потому, что ты проклята. Ты видишь их потому, что у тебя есть дар. Огонь в твоих волосах – это отражение огня в твоей душе. Огня, который может светить в обе стороны – и для живых, и для ушедших».

Дух сделал легкое движение рукой, и у ног Агнессы, в траве, слабо блеснуло что-то металлическое. Это был старый железнодорожный сигнальный фонарь, медный, потускневший, с треснувшим стеклом.

«Возьми его. Это твой ключ. И твоя защита. Он помогал мне. Теперь поможет тебе».

Агнесса, почти не осознавая своих действий, подняла фонарь. Он был холодным и удивительно тяжелым в ее маленькой руке.

«Мир меняется, дитя мое, – голос Морваны стал торопливее, а ее образ начал мерцать, как пламя на ветру. – Они ломают старые тропы железом и паром и не строят новых мостов для душ. Равновесие нарушено. Ты будешь нужна. Но будь осторожна. Твой свет будет виден не только потерянными... но и тем, кто охотится за светом чужим. Остерегайся... черных карет...»

«Подожди!» – наконец вырвалось у Агнессы, и это было больше похоже на стон. – «Не уходи! Что мне делать?»

Последняя улыбка Морваны была печальной и бесконечно любящей. «Ищи Знаки. Храни Порог. Помни. Я всегда рядом. В твоей крови. В твоём свете».

Сияние резко погасло. Туман сомкнулся, пустой и безжизненный. На мосту никого не было. Только холодный металл фонаря в руке Агнессы был реальным, осязаемым доказательством того, что это не сон.

Она стояла одна в ледяной ночи, но внутри у нее впервые за многие годы не было пустоты. Там был странный, новый огонь – огонь знания. Она не была бестией. Она была Проводницей. Хранительницей. У нее была мать, которая любила ее. И у нее была тайна, которую она должна была оберегать пуще жизни.

С рассветом, цепenea от холода, она спрятала фонарь под половицу в своей каморке. И с этого дня в ее глазах, помимо детской боли и недоумения, поселилась тяжелая, не по годам серьезная решимость. Она знала правду. И эта правда была одновременно ее спасением и величайшей опасностью. Путь был указан. Первый огонек зажжен.

Глава 1: Паровой гул и старые тени

Деревня Ольстер-Кросс, Северный Йоркшир. Осень 1865 года.

Пять лет. Пять долгих лет с тех пор, как туманная фигура на мосту назвала ее «Проводницей» и вручила холодную тяжесть медного фонаря. Пять лет Агнесса носила в себе эту тайну, как носят скрытую рану – с постоянной, глухой болью и страхом, что кто-то заметит кровь на платье.

Ей было пятнадцать, но в глазах односельчан она оставалась все той же «Рыжей бестией», странной дочерью железнодорожного рабочего Томаса Грея. Только теперь странность ее приобрела оттенок не просто дурного предзнаменования, а некой тихой, необъяснимой силы. Дети не дразнили ее в открытую – они обходили стороной, перешептываясь. Взрослые крестились, когда она, задумавшись, смотрела куда-то в пустоту, где для них не было ничего, кроме воздуха.

Воздух же в Ольстер-Кроссе за эти пять лет изменился до неузнаваемости. Если раньше его прорезали только крики ворон да скрип телег, то теперь его фундаментом стал низкий, непрерывный гул – гул с востока, со стороны реки Ур. Это строилась та самая ветка Лидской железной дороги, на которой с утра до ночи пропадал ее отец. Гул пара, лязг металла, грохот взрывов при прокладке туннелей. Прогресс. Будущее. Оно несло с собой запах гари, угольной пыли и развороченной земли – запах, который вьелся в одежду Томаса, в дерево стен их дома и, казалось, в самое небо, вечно подернутое рыжей дымкой.

Дом... Он никогда не был для Агнессы крепостью. Скорее – полем боя, где тончайшие мины лицемерия были расставлены ее мачехой, Элоизой. Та самая Элоиза, чей голос Агнесса слышала в пророческую ночь. Женщина, жаждавшая не просто благополучия, а респектабельности – этого нового викторианского идола. А рыжая, молчаливая падчерица с «нездоровым» блеском в глазах была для нее живым пятном на безупречном, по ее мнению, фасаде их жизни.

«Агнесса, перестань пялиться в стену! У тебя опять этот взгляд... как у кликуши. Сшей-ка лучше этот подол, а то ходишь, как подбиральщица тряпок». Голос Элоизы был как скребок по стеклу.

Агнесса молча брала иглу. Она не смотрела в стену. Она смотрела сквозь нее. В углу комнаты, где для других пустовало пространство между комодом и печкой, сидела женщина. Не призрак в полном смысле – а скорее тень, отпечаток. «Зеленая дева», как мысленно называла ее Агнесса. Образ молодой девушки в промокшем, истлевшем платье, с водорослями в спутанных волосах. Она тихо плакала, и ее слезы были невидимы, но ощутимы – в комнате вечно стояла сырость и пахло тиной, как от далекого болота. Элоиза жаловалась на эту сырость, виня плохую кладку, и безуспешно топила печь. Агнесса знала, что бесполезно. Этот плач длился, наверное, десятилетия.

Вот так и жила – в постоянном напряжении между мирами. В одном – укоры мачехи, усталая покорность отца, грубоватая речь соседей. В другом – безмолвный хор ушедших.

Она видела их повсюду. Тень монаха, бредущую по краю Мрачного леса – там, где в давние времена стояла келья отшельника. Призрачный отблеск костра на том месте, где когда-

то был лагерь римлян. Но самое страшное, самое новое и самое многочисленное племя духов приходило вместе с грохотом прогресса.

Идя по свежей насыпи у строящегося полотна, Агнесса видела их. Мужчин в рваной рабочей одежде, с лицами, заляпанными глиной. Они не были злобными или страшными. Они были... потерянными. Они ходили туда-сюда, тыкали лопатами в уже укатанный грунт, пытались кричать друг другу что-то, но звука не было. Один, молодой парень с перекошенным от ужаса лицом, раз за разом отпрыгивал от несуществующего падающего бревна. Они не знали, что мертвы. Они застряли в последнем мгновении своей жизни, в петле паники и боли.

Ее первые, робкие попытки помочь, предпринятые еще несколько лет назад, закончились плачевно. Она тогда, поддавшись порыву, подошла к одному такому духу – старому ирландцу с седыми бакенбардами – и тихо прошептала: «Дорога домой... за холмом. Идите к свету». Она не знала, откуда взялись эти слова. Но дух обернулся, и в его глазах мелькнуло осознание, облегчение... и он начал таять. А Агнесса в этот момент стояла посреди поля и разговаривала с воздухом на глазах у двух подпасков. К вечеру по деревне уже ползли слухи: «Рыжая Грей совсем рехнулась, с ветром беседует, места проклятые указывает!»

Элоиза тогда устроила истерику. «Видишь, Томас? Видишь?! Она нас всех в гроб загонит своим колдовством! Ее нужно в лечебницу, слышишь? В лечебницу для умалишенных! В Морпет или еще куда!»

Отец... отец не отправил ее в лечебницу. Он просто в тот вечер выпил больше обычного и, глядя на нее своими запавшими, усталыми глазами, хрипло пробормотал: «Оставь ты их, этих своих... видений. Не высовывайся. Ради своего же блага». В этом не было поддержки. В этом была покорность удару. И с тех пор Агнесса научилась помогать тихо. Направляла потерянный взгляд духа к свету фонаря в окне дальнего дома. Шептала слова утешения, прикрыв рот рукой, будто поправляя воротник. Иногда это срабатывало – тень растворялась, и на душе становилось чуть легче. Чаше – нет. Они были слишком крепко заперты в своем ужасе.

Ее единственным убежищем был медный фонарь. По ночам, когда все затихало, она доставала его из тайника под половицей. Она не зажигала его – боялась. Она просто держала в руках, чувствуя его вес и холод. Он напоминал ей о матери. О том, что она не одна, что в ее жилах течет кровь Проводниц. Что ее дар – не проклятие, а служба. Но служба, за которую, казалось, мир живых готов был заплатить ей лишь насмешкой, страхом и одиночеством.

Однажды вечером, когда Томас снова задержался на линии, а Элоиза ворчала, разбирая скудные покупки, она не выдержала.

«Мне нужно выйти, на воздух», – глухо сказала Агнесса.

Элоиза презрительно фыркнула. «На свидание со своими призраками? Ступай. Только чтобы к ужину была дома. И смотри...» Она бросила на Агнессу тяжелый взгляд, полный предупреждения. «Не позорь нас еще больше».

Агнесса вышла. Она не пошла к мосту. Она поднялась на холм за деревней, откуда был виден весь Ольстер-Кросс: крошечные огоньки в окнах, темная заплатка леса и, на востоке, зарево над строительством – факелы, костры, может быть, плавильные печи. Гул отсюда был похож на дыхание спящего исполина.

Она села на холодную землю, обхватив колени. Внизу, у подножия холма, она увидела еще одного – дух женщины с корзиной. Она бесцельно бродила вдоль давно заросшей тропы, которая вела к несуществующей уже деревне. Застрявшая. Навеки.

«Что мне делать? – прошептала Агнесса в темноту, обращаясь к духу матери, к ночи, к самой себе. – Я не могу помочь им всем. Я не могу даже помочь себе». Она чувствовала, как давление двух миров – живого, который ее отвергал, и потустороннего, который требовал ее помощи, – вот-вот раздавит ее.

Именно в этот момент, глядя на зарево прогресса и слушая древнее дыхание земли под холмом, пятнадцатилетняя Агнесса Грей, наследница Проводниц, поняла одну простую и страшную вещь. Так больше продолжаться не может. Ей нужно выбирать. Либо сломаться под этим прессом, либо... найти способ стать сильнее его. Но как? Ответа у нее не было. Была только тяжесть фонаря в памяти и тихий зов потерянных душ, от которого не было спасения даже здесь, на вершине холма.

Внизу, в деревне, в окне их дома мелькнул свет – Элоиза зажгла лампу. Пора было возвращаться. В дом, который не был домом. К жизни, которая не была жизнью. Но внутри нее, под слоем усталости и страха, уже тлела искра. Искра, зажженная пять лет назад материнским призраком. Искра, которой сейчас, в отчаянии, требовалось воздуху, чтобы разгореться в пламя.

Глава 2: Библиотека поместья и дух естествоиспытателя

Холодная зима 1865-66 годов выдалась на редкость суровой. Река Ур сковалась льдом, притормозив доставку материалов для дороги, и в доме Греев стало еще беднее и мрачнее. Элоиза, не имея возможности выместить раздражение на задержках жалования или погоде, с удвоенной силой обрушила его на Агнессу. Каждое ее рассеянное «видящее» выражение лица, каждая неловкость, вызванная внезапным появлением призрачного плача или шепота, трактовались как сознательное неповиновение, глупость или, что хуже всего, – «нарочитая странность с целью привлечь внимание».

«Посмотри на себя! – шипела Элоиза, в очередной раз застигнув Агнессу за тем, что та замерла у окна, всматриваясь в метель, где для нее танцевали не только снежинки, но и бледные огоньки давно забытых зимних фей. – Руки в бока, рот разинула, глаза стеклянные... Ты специально, да? Чтобы все видели, какая у нас ненормальная? Чтоб меня, честную женщину, на смех поднять?»

Томас Грей отмалчивался, уткнувшись в миску с похлебкой. Его молчание было хуже крика. Оно означало согласие. Согласие с тем, что Агнесса – обуза, проблема, которую нужно как-то решить. Агнесса понимала это по его сгорбленной спине, по тому, как он избегал смотреть ей в глаза.

Финальной каплей стал визит жены викария, миссис Паркер. Элоиза, заискивающе улыбаясь, накрывала чай, а гостя, маленькая, сухая, с глазами-буравчиками, не сводила с Агнессы оценивающего, холодного взгляда.

«Слышала, дитя мое, что ты... видишь то, чего не видят другие, – сказала она сладким, но ядовитым голосом. – Это очень опасно. Часто за такими «видениями» кроется греховная гордыня или, того хуже, общение с нечистой силой. Может, тебе стоит почаще молиться и читать Священное Писание? Или... – она сделала многозначительную паузу, – удалиться в тихое место, где никто не будет смущаться твоим... состоянием?»

Агнесса почувствовала, как леденеет живот. «Тихое место» – это был эвфемизм. Элоиза немедленно подхватила:

«О, миссис Паркер, мы так переживаем! Я сама не сплю ночами. Думаю, может, в Йорке есть какие-то пансионаты... или приюты при церкви, где бы ей могли уделить должное внимание?»

Идея была высказана. И она висела в воздухе тяжелым, зловещим колоколом. Агнессе было шестнадцать. В приют ее, может, и не отдали бы, но выдать замуж за первого встречного, лишь бы сбить с рук, или отправить в услужение в самый глухой угол графства – легко. И тогда прощай, контроль над своей жизнью. Прощай, возможность когда-нибудь понять свой дар.

И тут, словно сама судьба, уставшая от этой мелодрамы, вмешалась. В Ольстер-Кросс приехал мистер Эдгар, управляющий именем Вулфтон-Холл, что в пяти милях от деревни. Имение принадлежало семье Гринвич. Сам лорд Гринвич, член парламента, бывал там редко, а жил его старший брат, мистер Олбани Гринвич – человек, о котором в деревне ходили противоречивые слухи. Говорили, что он богат как Крез, но живет затворником. Что он учёный,

но с причудами. Что у него там, в Холле, целые комнаты забиты камнями, скелетами зверей и старыми книгами. И что он, по причине подагры и ревматизма, ищет тихую, смышленную девушку в помощь по дому – точнее, по библиотеке.

Элоиза, узнав об этом от трактирщика, увидела не просто способ избавиться от падчерицы. Она увидела возможность. Отдать Агнессу в знатный дом – это не позор, это почти честь. Это могло повысить их статус в деревне: «Наша Агнесса служит у самих Гринвичей!» А если та там и сломается окончательно со своими видениями – вина падет не на нее, Элоизу, а на эксцентричного старика. Идеально.

«Томас, – заявила она вечером, – решено. Я говорила с мистером Эдгаром. Он согласен взять Агнессу на испытательный срок. Платить будут мало, но еда и кров будет. Это для нее шанс. И для нас – передохнуть от этой... нервозности».

Томас промычал что-то невнятное, что было принято за согласие. Агнесса не стала сопротивляться. Любое изменение было лучше текущего кошмара. Страх перед неизвестностью мерк перед знакомым ужасом дома. И в глубине души шевельнулась робкая надежда: большой дом, старые книги... может быть, там она найдет ответы? Хоть какие-то.

Неделю спустя, с узелком скудного имущества и с медным фонарем, тщательно завернутым в тряпье и спрятанным на дне сумки, Агнесса села в повозку мистера Эдгара. Элоиза, стоя на пороге, делала прощальные наставления с лицом, исполненным показной заботы: «Веди себя прилично, не пяль глаза по-идиотски, слушайся...» Отец молча потрепал ее по плечу, глаза его были полны непонятной тоски. Агнесса отвернулась, чтобы не заплакать.

Дорога до Вулфтон-Холла пролегла через замерзшие поля и редкие перелески. Имение предстало перед ней не светлым дворцом, а мрачноватым, солидным зданием из темного камня, с высокими стрельчатыми окнами и несколькими готическими башенками. Оно не было дружелюбным, но оно дышало временем. И для Агнессы, чье сознание было настроено на эхо прошлого, это было как минимум интересно.

Мистера Олбани Гринвича она впервые увидела в библиотеке. Это была комната, от которой у нее перехватило дыхание. Два этажа, галерея по периметру, тысячи – нет, десятки тысяч томов в одинаковых темно-коричневых и черных переплетах. Воздух пах пылью, старым пергаментом, воском для полировки дерева и слабым, горьковатым ароматом лекарственных трав. В центре, в огромном кожаном кресле у камина, в котором весело потрескивали поленья, сидел хозяин.

Мистер Олбани был худ, как скелет, одет в поношенный, но качественный бархатный сюртук. Лицо его было бледным, изрезанным морщинами, но глаза – ярко-голубые, острые, живые – смотрели на мир с насмешливым, всепонимающим интересом. Он опирался на резную трость, а колени его были укрыты шотландским пледом.

«А, – произнес он хриплым, но четким голосом, когда мистер Эдгар представил Агнессу. – Новая жертва для алтаря знаний. Подойди-ка, дитя, дай на тебя взглянуть. Не бойся, я не кусаюсь. По крайней мере, сегодня».

Агнесса робко подошла. Его взгляд скользнул по ее лицу, задержался на рыжих волосах, и в его глазах мелькнуло что-то вроде удивления, а затем – кипучего любопытства.

«Говорят, ты странная. Видишь то, чего не видят другие. Правда ли это?»

Агнесса покраснела и опустила глаза. Она была готова ко всему – к насмешкам, к гневу, к подозрениям. Но не к такому прямому, почти научному вопросу.

«Я... я не знаю, сэр, – пробормотала она. – Иногда мне кажется...»

«Кажется? – перебил он. – Нет, нет, дитя мое. В науке нет места «кажется». Есть факты, гипотезы и доказательства. Если ты что-то видишь – значит, это существует в какой-то форме. Задача – понять, в какой именно». Он откинулся в кресле. «Твои обязанности будут просты: следить за порядком здесь, в библиотеке. Вытирать пыль, но не трогать книги на верхних полках без моего разрешения. Иногда приносить мне то, что я попрошу. Справишься?»

«Да, сэр, – почти прошептала Агнесса, ошеломленная.

«Прекрасно. Эдгар, устройте ее. Комната в западном крыле, над кухней. И... Агнесса. Добро пожаловать в Вулфтон-Холл. Надеюсь, ты найдешь здесь если не утешение, то хотя бы пищу для ума».

Первые дни пролетели в робком освоении нового пространства. Библиотека оказалась не просто складом книг. Это был лабиринт, мир в себе. Были отделы по геологии и ботанике, по древней истории и философии, фолианты на латыни и греческом, новые романы Диккенса и Теккерея, а в дальнем, самом темном углу – полки с маргиналией: трактатами по алхимии, демонологии, фольклору Йоркшира и... спиритизму. Сердце Агнессы забило чаще, когда она впервые прочла золотые буквы на корешке: «Феномены невидимого мира» Э.Дж. Дэвиса, 1852.

Она работала тихо, стараясь не беспокоить хозяина, который мог часами сидеть, уставившись в огонь или в какую-то старую карту. Но однажды, когда она осторожно протирала полку недалеко от его кресла, он неожиданно спросил:

«Агнесса, ты умеешь читать?»

«Немного, сэр. Мать... первая мама... учила. А потом я сама...»

«Отлично. Вот. – Он протянул ей тонкую книжицу в потертom переплете. – «Естественная история призрачных явлений» профессора Натаниэля Сторма. Издание 1820 года. Начни с нее. И расскажи мне, что ты думаешь».

Агнесса взяла книгу дрожащими руками. Это был первый подарок, первое проявление доверия за долгие годы. Она читала по вечерам, в своей маленькой комнатке, при свете сальной свечи. Профессор Сторм, как выяснилось, был не суеверным старикашкой, а блестящим, системным умом. Он рассматривал сообщения о привидениях не как доказательство загробной жизни или проделки дьявола, а как феномены, требующие изучения и классификации. Он писал о «призраках-следах» – энергетических отпечатках сильных эмоций, о «фантомах больного сознания» и, что было для Агнессы самым важным, о редких случаях «осознанного посмертного контакта».

Она чувствовала, будто кто-то наконец заговорил с ней на ее языке. Более того, кто-то дал ей слова, чтобы описать то, что с ней происходило. Восторг от этого открытия был так силен, что впервые за многие годы она забыла об осторожности.

На третий день после начала чтения, расставляя книги, она увидела его.

Он стоял у высокого окна с готическим переплетом, сквозь которое лился скупой зимний свет. Невысокий, плотный мужчина в старомодном сюртуке и жилете, с бакенбардами и всклоченными седыми волосами. Он не был прозрачным. Он казался почти настоящим, только слегка подернутым дымкой, и свет падал на него как-то иначе, не отбрасывая четкой тени. Он что-то бормотал себе под нос, листая страницы невидимой книги, и время от времени тыкал несуществующим карандашом в воздух, будто делая пометки.

Агнесса замерла. Это был не потерянный дух. Не страдающая тень. Он выглядел... занятым. Увлеченным. И он был здесь, в библиотеке, уже давно – она чувствовала это каждой клеточкой своего дара.

Она не знала, что делать. Предупредить мистера Гринвича? Но как? «Сэр, у вас в библиотеке призрак»? Ее снова сочтут безумной. Или... может быть...

Она осторожно, как научил профессор Сторм в своей книге, попыталась «настроиться». Не тарашиться, не вглядываться, а просто мягко направить внимание, как направляют слух, чтобы различить далекий звук.

И он почувствовал это. Призрак резко обернулся. Его глаза, такие же яркие и умные, как при жизни, уставились на нее.

«Кто... кто здесь? – прозвучал голос. Не в ушах, а прямо в сознании, сухой, слегка раздраженный. – Кто смеет нарушать... А!» Его взгляд стал пристальным, изучающим. «О! Интересно. Ты... ты видишь меня? По-настоящему?»

Агнесса, забыв обо всем на свете, кивнула.

Призрак подошел ближе. Его лицо исказилось смесью изумления и дикой радости.

«Невероятно! Феноменальная чувствительность! За последние... сколько там лет... двадцать пять? Никто! Ни одна душа! Кроме Олбани, но он лишь смутно догадывается, чувствует присутствие. А ты... ты смотришь прямо на меня!»

«Вы... вы профессор Сторм? – выдавила из себя Агнесса, вспомнив портрет на фронтисписе книги.

Призрак – профессор – замер, а затем рассмеялся беззвучным, но от этого не менее искренним смехом.

«Так он все-таки опубликовал мой труд! Ну надо же... А ты, стало быть, читала. И что, скажи на милость, ты о нем думаешь?»

Это был самый странный и самый чудесный разговор в ее жизни. Они говорили о книге. Профессор Сторм, оказалось, умер от воспаления легких прямо здесь, в библиотеке, работая над рукописью. И его интеллектуальная страсть, его незавершенный труд оказались настолько сильны, что привязали его сознание к этому месту. Он был не «призраком» в жутком смысле, а интеллектуальным следом, активным, мыслящим эхом.

«Все в природе оставляет след, дитя моё, – объяснял он ей в тот вечер и во многие последующие, когда она оставалась в библиотеке после ужина. – Раковина в камне – след жизни. Рубцы на земле от плуга – след труда. А дух, такой как я, или те тени, что ты видишь у ручья, –

это след сознания, эмоции, незавершенного дела. Твой дар... – он смотрел на нее с восхищением ученого, нашедшего редчайший экземпляр. – Твой дар – это тончайший прибор для восприятия этих следов. Ты не больна. Ты наделена».

Эти слова стали для нее бальзамом. Под руководством профессора – точного, требовательного, но бесконечно терпеливого – она начала учиться по-настоящему. Он учил ее не только латыни и истории, но и психической гигиене.

«Ты – как резонатор, настроенный на все частоты, – говорил он. – Тебе нужно научиться фильтровать. Концентрироваться на одном «сигнале», отсекая другие. Иначе ты утонешь в этом хоре. Закрой глаза. Дыши. Слушай не ушами, а... тем местом, где рождается понимание. Найди мой голос среди шума библиотеки. Среди шума времени».

Она училась. Сначала с трудом, потом все лучше. Она узнала, как по характеру свечения и ощущению можно отличить «след» от «осознанного духа». Узнала, что некоторые места, как и люди, имеют «память», которая может проецироваться. Профессор Сторм стал ее якорем, ее учителем и – она осмеливалась думать – другом.

Мистер Олбани Гринвич наблюдал за ее трансформацией с молчаливым одобрением. Он видел, как ее глаза теряют испуганную рассеянность и наполняются сосредоточенным светом. Как ее движения становятся увереннее. Он давал ей все более сложные задания по поиску книг и никогда не спрашивал, откуда у нее внезапно взялась способность находить самые смутные трактаты без каталога. Он просто смотрел на нее своими острыми голубыми глазами и иногда говорил: «Знаешь, Агнесса, в мире полно чудес. Главное – не бояться их изучать».

В Вулфтон-Холле, среди пыльных фолиантов и под присмотром призрачного профессора, Агнесса впервые за долгие годы почувствовала себя не бестией, а ученицей. Она начала понимать механизмы своего дара. И это понимание давало ей не только знание, но и тихую, зреющую силу. Она еще не знала, как применить эту силу в большом мире. Но она знала, что теперь у нее есть инструменты. И учитель. А это было больше, чем она когда-либо могла надеяться.

Библиотека стала ее убежищем, лабораторией и школой. И именно здесь, в безопасности этих стен, она получила подготовку к своему первому настоящему испытанию, которое ждало ее за порогом Холла, в холодном мраке недостроенного туннеля.

Глава 3: Инцидент в туннеле и первая победа

Весна 1866 года пришла в Йоркшир робко и с опозданием. Снег сошел, обнажив черную, напитанную влагой землю, но холодный ветер с востока еще не сдавал позиций, принося с собой не запах свежей травы, а все тот же едкий дымок с железнодорожного строительства. В Вулфтон-Холле Агнесса провела уже несколько месяцев, и они изменили ее почти до неузнаваемости. Она по-прежнему была худой и тихой, но в ее осанке появилась собранность, а во взгляде – та самая «настроенность», которой учил профессор Сторм. Она научилась не просто видеть духов, но и классифицировать их, отстраняться от фонового «шума» и концентрироваться на одном «сигнале». Библиотека стала ее крепостью, а призрачный профессор – строгим, но бесконечно доброжелательным гувернером.

Мистер Олбани Гринвич все чаще поручал ей не просто уборку, а реальную помощь в его изысканиях: найти конкретную ссылку в фолианте, переписать выдержки из старинной рукописи, составить список книг по определенной теме. Он обращался с ней не как со служанкой, а как с младшим, неопытным, но подающим надежды коллегой. И Агнесса ценила это больше, чем любую возможную плату.

Идиллия, однако, была хрупкой. Мир за стенами библиотеки не стоял на месте. Из деревни, которую она навещала раз в месяц, чтобы повидаться с отцом (отношения с которым стали прохладными, но менее напряженными без Элоизы), приходили тревожные вести. Строительство туннеля №3 на подходе к Ольстер-Кроссу, которое должно было стать триумфом инженерной мысли и воротами для будущего процветания, встало.

Сначала это были слухи, доносившиеся с почтовой каретой или из уст кучера, привозившего провизию в Холл. Потом тревога стала осязаемой. Отец Агнессы, Томас, пришел один раз сам – не в гости, а поговорить с управляющим, мистером Эдгаром, о возможной работе в имении. Лицо его было серым от усталости и беспокойства.

«Бунтуют, – коротко бросил он в сторону Агнессы, пока ждал в прихожей. – Все рабочее – и свои, и ирландцы. Никакими деньгами не загонишь их обратно под землю. Говорят, там... нечисто».

«Что значит «нечисто»?» – спросила Агнесса, хотя догадывалась.

«Стоны, – отец избегал ее взгляда, разглядывая узор на кафельном полу. – Шаги в пустоте. Инструменты пропадают, а находят их в самых немислимых местах. Один парень поклялся, что видел, как его собственная кирка летает по воздуху. Подрядчик, мистер Шеффилд, бешеный. Угрожает увольнениями, штрафами. Но страх – штука посильнее угроз. Работы замерли».

Агнесса молча кивнула. Она хорошо представляла, что могло твориться в темноте свежепрорытого туннеля, если там застряла не просто «петля памяти», а что-то более сильное и дезориентированное. Прогресс, в лице динамита и кирки, вторгся в древние пласты земли, а духи, привязанные к этим пластам, ответили хаосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.